

ОСМЫСЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ В ПРОЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И И.С. ШМЕЛЕВА: ТРАДИЦИЯ, ДИАЛОГ, ПОЛЕМИКА

И.С. Тургеневу в своем творчестве удалось отобразить практически все насущные проблемы, зреющие и существующие в русском обществе. А Россию в девятнадцатом веке, кроме славянофильских и западнических споров, кроме злободневного вопроса об отмене крепостного права с последующим его упразднением, кроме войн и восстаний, экономической и хозяйственной отсталости, подрывали изнутри зреющие в недрах ее просвещенного сословия революционные настроения. Рождение, развитие и первые, пока еще бескровные плоды русского революционного духа Тургенев показал первым среди русских писателей. Немногим, но все же позже появились романы Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1871), А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863), Н.Г. Чернышевского «Что делать» (1863), И.А. Гончарова «Обрыв» (1869), Ф.М. Достоевского «Бесы» (1873), В.В. Крестовского «Панургово стадо» (1869) и некоторые другие. Дело, конечно, не в первенстве, а в том, что «бесы» как социальное явление преходящи, <...> но базаровщина, т.е. революционность как психология, – качество национального бессознательного, ждущее осмысление» [2; с. 150]. И Тургенев в своих произведениях подверг психологию революционности разностороннему анализу, показав и истоки, и причины, и слабые, и сильные стороны революционного движения в России, чему нашлось много последователей в литературе двадцатого века, напитавшего эту тему более чем богатным материалом. Слову «Россия» стало сопутствовать слово «революция», и вместе они стали практически одним целым, как словосочетание «святая Русь», выражая две стороны русского национального характера, антиномичную сложность и многоаспектность духовной культуры России.

Обращение Тургенева к теме революционного духа и то, в каком виде он изображал движение революционных идей в России, не удовлетворяло ни либералов, ни революционеров, которые лишь после смерти писателя объявили его своим глашатаем. Начиная с «Отцов и детей», нападки на писателя сыпались со всех сторон, и он глубоко переживал такое непонимание своих трудов со стороны уважаемой им читательской публики. В предисловии к собранию романов в издании 1880 г. Тургенев бросает русской критике и читательской аудитории главный упрек в том, что она не свободна, и в очередной раз пытается отстоять свободу творчества художника. «Поэт мыслит образами», – пишет он, – «всякий писатель <...> старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни, всякий читатель имеет право судить, насколько он в этом успел и где

ошибся; но кто имеет право указывать ему, какие именно впечатления годятся в литературу и какие – нет?» [10; X, с. 297]. Писатель свободен в своих предпочтениях при выборе материала и в том, как его изображать: «талант настоящий – никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его жизнь дает ему содержание – он является ее сосредоточенным отражением; но от также мало способен написать панегирик, как и пасквиль... В конце концов это ниже его. Подчиниться заданной теме или проводить программу могут только те, которые другого, лучшего не имеют» [10; X, с. 297]. От своих творческих принципов свободного писателя Тургенев никогда не отступал.

Известно, что семена будущих русских революций были посеяны в XIX веке. Как писал Ф.А. Степун в книге «Сбывшееся и несбывшееся», «зло либерального 19 века было, в конце концов, лишь неудачей добра. Сменивший его 20-й век начался с невероятной по размерам удачи зла». И Тургенев, известный русский либерал и западник» и большой «угадчик» русской жизни, «ввел в русскую литературу тему, которая стала едва ли не основной, во всяком случае, самой значимой в нашей отечественной судьбе, – тему нигилизма (в «Отцах и детях»), показав не только ее политическую и культурную злободневность, но и ее философскую и духовную глубину...» [5; с. 122 – 123]. Этой теме суждено было привиться в русской литературе и продолжиться в произведениях русских писателей двадцатого века.

Традиция тургеневского изображения нигилистов и выросших из русских нигилистов революционно настроенных народников нашла свое отражение еще у писателей XIX века, о чем подробно написала Л.Н. Назарова в своей монографии «Тургенев и русская литература конца XIX – начала XX века». Она указала, что тургеневское обращение к теме «новых людей» сказалось по-разному: «с одной стороны, появились произведения эпигонского характера, с другой – происходило творческое развитие тургеневских традиций; наконец, велась и полемика с Тургеневым» [6; с. 130].

Первым образом нового героя времени стал созданный Тургеневым Евгений Базаров. Сознательно упуская глубинный философский подтекст этого образа, столь близкий мировоззрению самого писателя, обратимся к тем его чертам, которые привлекали к нему пристальное внимание революционеров последующих поколений, т.е., проанализируем присущую этому герою психологию революционности, являющуюся, возможно, одним из проявлений национального характера. Революционер-народник П. Якубович писал, что «по базаровскому типу воспитывалось целое поколение так называемых нигилистов, бывших в свое время необходимой стадией в развитии русской революции» [4; с. 7]. Действительно, в России после выхода романа Тургенева революционеров стали называть нигилистами, и революционеров-народников в самом народе также называли нигилистами. Таким образом, этот термин в своем упрощенном значении стал связываться с революционностью, хотя в сущностном своем смысле он содержал в себе, по словам Вяч. Иванова, «пафос

обесценения и обесформления – вообще характерный признак отрицательной, нетворческой, косной, дурной стихии варварства (составляющей противоположность его положительной, самопроизвольно творческой стихии)...» [3; с. 83].

Тургеневский Базаров – нигилист со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как объясняет значение этого слова своим родственникам Аркадий, нигилист – «это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [10; III, с. 139]. Вся манера поведения Евгения с нарочитым вызовом и непроизвольной наглостью, самоуверенное его отрицание поэзии, искусства и науки, полупрезрительное и полунасмешливое выстраивание отношений с окружающими людьми в общих чертах соответствуют данной характеристике. Его занятия естественными науками, изучение химии, физики и жизни природного мира также питают его нигилистическую философию. И главная деятельность Базарова, скрытая от всеобщего обозрения, но намеки на которую рассыпаны в романе и вложены в уста разных людей (так, Аркадий говорит отцу Базарова: «сына вашего ждет великая будущность, и отнюдь не на медицинском поприще», а Одинцова вообще не верит в его медицину), заключается именно в революционной работе, в которой он не одинок, что подчеркивает употребляемое им местоимение «мы». Прощаясь с Аркадием, он говорит: «...для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. <...> мы драться хотим. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замазает, да ты и не дорос до нас, ты невольно любишь себя, тебе приятно самого себя бранить; а нам это скучно – нам других подавай! Нам других ломать надо!» [10; III, с. 259]. В этой краткой речи «мы» встречается восемь раз, но, кроме этого, здесь перечислены необходимые для истинного революционера качества: дерзкая уверенность, злость, сосредоточенность на общем деле и намерение и умение «других ломать». О себе самом Базаров также большого мнения. При всем его уме и склонности к философствованию, наглой самоуверенности и самолюбия у Базарова достаточно: «Я ничьих мнений не разделяю; я имею свои» [10; X, с. 173]. Перед смертью он говорит Одинцовой: «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! Задача есть, ведь я гигант! <...> Отец будет говорить, что вот мол – какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разуверяйте старика... Я нужен России.. Нет, видно не нужен...» [10; X, с. 271]. Исследователь Е.Г. Плимак считает, что совсем не крестьянскую реформу 1861 г. имеет в виду Базаров, говоря о своих гигантских задачах, ведь ему нет дела до нужд крестьянина, если из него лопух расти будет. Дело в том, что Базаров «готовится совсем не к реформе, а к **революции**. <...> задача «гиганта» <...> **состояла в развязывании в стране революции**» [7; с. 162]. Можно не согласиться с категорическими выводами автора этих строк, тем более, что, хотя в России и обсуждались вопросы о разных путях

достижения изменений политического устройства страны, революция все же еще не готовилась. Но то, что Тургенев показал человека, изнутри охваченного идеей ломки всего старого, для чего все средства хороши, человека дерзкого и самоуверенного, решительного и страстного, злого и способного идти одиночкой по жизни, представляется очевидным. Его заботит лишь общее, отдельное, и индивидуальное ему не интересно: «Изучать отдельные личности не стоит труда. Все люди друг на друга похожи как телом, так и душой <...> и так называемые нравственные качества одни и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат. Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу», – безапелляционно заявляет он Анне Сергеевне [10; III, с. 184]. Как верно отметил С.М. Аюпов, новые рассуждения Базарова о загадочности человека, новый поэтический настрой его души рождаются в герое только после встречи с Одинцовой: «После встречи с Одинцовой, влюбившись в нее, герой заражается метафизикой в широком смысле этого слова: идеальной любовью, превращается в философа, начинает думать о бытийных вопросах и наконец, произносит перед смертью высокие поэтические слова» [1; с. 182].

Люди для Базарова лишь материал, средство для достижения целей: «Ситниковы нам необходимы. Мне <...> нужны подобные олухи. Не богам же в самом деле горшки обжигать» [10; X, с. 202]. Словом, «исправьте общество, и болезней не будет», причем в этом исправленном обществе «у всех будет одна и та же селезенка» [10; X, с. 184] – все это очень напоминает социалистические идеи, воплотившиеся в советском государстве трудами последователей Базаровых. Обобщенность их суждений и их непоколебимость корреспондируют задачам, стоящим перед настоящим революционером: осчастливить все человечество, невзирая на сопротивление отдельных его членов. И при всем этом герой Тургенева совершенно одинок: он пренебрежителен и суров со своими родителями, для матери у него не находится ни одного доброго слова, а, намереваясь подраться со своим другом Аркадием, он готов вцепиться ему в горло с таким «зловещим» выражением, что тот даже чувствует робость. Народ также считает Базарова шутком гороховым и не хочет открывать ему свою душу, когда тот с обычным своим подтруниванием обращается к мужикам для разговора по душам. Тургенев обрывает жизнь своего героя. В преждевременной смерти Базарова видится не только закон природы, которая забирает всех своих детей, не разбирая, гигант перед ней или простой человек. В смерти Базарова звучит не только мысль о невозможности человеческого счастья для того, кто это счастье не признавал и отвергал, ведь Базаров себя искусственно выламывал из общей жизни, природной и человеческой. Понимание истинного смысла человеческого бытия закрывается для него темной завесой смерти. Его последние слова были: «Теперь... темнота» [10; X, с. 271], и темнота эта, возможно, была связана и с тем, что Евгений так и не принял последнее причастие, о чем так просил его отец. Обособленность и отчужденность героя от общей стихии жизни людей и

природы побеждается, как было замечено Н.Н. Страховым, «не лицами и не случайностями жизни, но самую идею жизни» [9; с. 211], смысл которой в любви, природе и добре. Но дополнительно, по сравнению с онтологической напряженностью этого образа, в смерти героя чувствуется и обреченность его общественной позиции, бесплодной по своей сути.

Обратимся к тем произведениям писателей русского зарубежья, герои которых отмечены «тургеневским комплексом», выраженным писателем в образе Базарова. В данном случае «тургеневское» вмещает нигилизм как систему морально-нравственного и психологического отношения к миру, включающую взаимоотношения отцов и детей, революционность психологии героя (желание перевернуть и изменить по своей мерке мир) и круг его научных интересов с преобладающим тяготением к занятиям естественными науками. Базаровская психология проявилась в последующей русской истории, она прижилась в русской действительности и оказалась свойственной разным слоям населения, что нашло отражение и в русской литературе. Базаровский нигилизм 60-х стал ступенью, на которой выросло русское народничество и революционный экстремизм русских террористов, расчищавших почву для окончательной победы духа революции в России. И русских революционеров привычно и долго еще, вплоть до начала XX века, называли в народе нигилистами. Русские писатели, пережившие трагические события начала XX века, стали очевидцами воплощения базаровской идеологии на практике. Прогремевшие в России революции оказались не только частью их жизни, но они формировали отражавшееся в их творчестве отношение к миру.

В жизни и творчестве И.С. Шмелева опыт русских революций имел принципиальное значение. Писатель с большим энтузиазмом отнесся к первым русским революциям, он чувствовал в них дух свободы и романтического героизма, видел движение к уничтожению устаревших, тормозящих прогресс форм жизни. Но опыт последней, самой жестокой и кровавой, был воспринят писателем совершенно иначе. На примере двух его произведений, написанных с большим временным промежутком, можно проследить эволюцию отношения писателя к революционным событиям и к психологии революционности, а также увидеть, насколько глобальной по своим последствиям для России оказалась вскрытая Тургеневым еще в середине девятнадцатого века проблема нигилизма в ее общественно-политическом и моральном звучании. В рассказе «Распад» (1906) Шмелев показывает произошедшую в течение двадцатилетия трансформацию нигилистических идей в социалистические и высшую точку этого видоизменения, которой стало убийство нигилистами царя Александра II. В конце семидесятых – начале восьмидесятых годов, когда происходит действие рассказа, всех студентов в народной среде принято было называть «нигилистами», «но надо сказать, – замечает рассказчик, – это слово уже пропало из обихода, и его заменили – подозрительный человек, «сацилист» [11; I, с. 166]. Глазами наивного мальчика писатель рисует события, которые произошли в доме Захара Хмурова, богатого заводчика, хищного и

расчетливого хозяина, жестоко обращающегося со своими рабочими. Но события семейные вырастают в картину жизни страны, в которой назревает внутренний раскол. Дух непримиримости двух частей общества, «нигилистов» и приверженцев царского режима, со всей остротой проявляется в связи с событиями 1 марта 1881 г., после которых даже дети, играющие в свои невинные игры, отстаивают рано сформировавшуюся собственную политическую позицию. Мальчик-рассказчик мечтает, что когда он вырастет, то будет студентом. На что его друг, сын лавочника Степка уверенно говорит: «Это нигилисты-то! Я тогда тебе в морду! Я за царя!.. Да, уже тогда ставился нам этот туманный вопрос: «за царя» или «за нигилистов», под которыми скрывалось что-то страшное и сумбурное – республика. – А я тебя бомбой... и всю лавку взорву!.. Ну, дай стручков-то» [11; I, с. 166]. Вот так дети, впитав в себя услышанное и увиденное в доме, наивно и уверенно выражают злободневные проблемы русской действительности. Маленький мальчик с легкостью упоминает о бомбе, с помощью которой можно решить неприятное дело, потому что перед глазами у него есть пример старшего двоюродного брата Лени, который и не говорил почти с ним, но зато вокруг него всегда был ореол тайны, силы и мужества.

Леня – единственный сын заводчика Захара, надежда и опора отца в его делах и продолжение его самого. Но с детства много читающий и много наблюдающий несправедливости жизни мальчик настойчиво идет своей дорогой, выламываясь из привычного хода жизни своей семьи. Занятия химией, поступление в технический институт, чтобы стать инженером, заступничество за рабочих с требованием справедливого к ним отношения постепенно, но уверенно приводят его в революционное движение, т.е., делают нигилистом. В доме так называют Леню простые люди и его отец. Слово «нигилист» для них ругательное и неуважительное. Маленький мальчик допытывается о его значении, и люди ему говорят разное: «Домна говорит, что это значит – «нехристь», который в пост скоромное лопает и в церкву не ходит. Гришка сказал, что это «жулики и воопче так... которые воопче... вроде как бы черти...» Я, конечно, не понял ничего. Мы решили, что это страшные преступники, которых еще недавно возили на черной телеге куда-то на «конную» [11; I, с. 139]. Ужас ребенка усиливается и от того, что царя-освободителя убили именно эти страшные «нигилисты». Когда принимает присягу новый царь, страх постепенно рассеивается, и мальчик теперь знает, кто такие нигилисты: «Это особые молодые люди, которые всегда с книжками, ходят в круглых шапочках и очках, носят длинные волосы и никогда не женятся. Они много учились и заучились так, что у них «ум за разум зашел», как сказал дядя Захар, приходивший к нам пить чай. И среди них есть девчонки даже, которые забыли Бога и стыд» [11; I, с. 151]. Этот по-детски наивный и упрощенный взгляд, с одной стороны, снижает серьезность и глубину проблемы, но, с другой стороны, в нем много настоящего понимания ее

простым людом, рабочим, подневольным народом, ради которого собственно революции и делаются.

Портрет нигилиста Лени в общих чертах походит на базаровский (у того тоже длинные волосы (черта, сближающая революционеров, которым некогда заниматься своей внешностью, ее небрежность и неухоженность всегда бросается в глаза), он, как и тургеневский герой, изучает химию, и, как все нигилисты, много читает и учится). Но, кроме внешнего сходства, есть схожесть внутреннего содержания их души: безверие, одиночество, отсутствие реализованных любовных отношений, способность на дерзкие дела и поступки. Судьба Лени Хмурова по сути своей драматична. Красивый, способный и честный молодой человек, который мог бы продолжить отцовское дело, устроив его на свой, правильный, лад, умирает молодым, отравившись ядом, когда полиция пришла арестовывать его, уличив в том, что он состоит в революционной организации и делает для нее взрывчатку. Любя родителей, он становится послушником. И как-то так получается, что, страдая за обиженных и угнетенных, он совсем не страдает за собственную мать, которая жила только им и любила только его, тихо смиряясь с грубым его отцом. Отношение Лени к матери («он так всегда мало говорил с ней, так мало...») [11; I, с. 193] напоминает отношение к матери Базарова, который не обращал на нее никакого внимания, раздражался и хотел быстрее уехать из дому. Это выламывание из своей среды, разрыв связей с отцом, к которому он не чувствовал неприязни, а даже наоборот, любил его, во всем походил на него, что составляло предмет постоянной отцовской гордости, был характерным для русской действительности тех лет. В рассказе приводится пример не только семьи Хмуровых, но говорится и о сыне священника, который говеть не хочет, в церковь не ходит и только играет на скрипке. Рассказывается и о сыне портного Кнутова, который тоже отказывался ходить в церковь, а потом оказалось, что он сделался революционером и его хотели арестовать, но он сбежал за границу. Шмелев рисует тот раскол между отцами и детьми, распад связей между родителями и детьми, который становится знаком разрыва духовно-кровных традиций поколений и в глубинах своих уходит в расторжение связей с родиной, землей, домом, оборачивается незнающими родства и корней своих людей, продающих и предающих родину и своих близких. В глазах рассказчика, маленького мальчика, только вступающего жизнь, в распаде семейного гнезда Лени (а после его смерти уходит в запой, разоряется и опускается его когда-то крепкий, как кремь, отец), в уничтожении старого двора и целого округа, где он вырос, нет ничего страшного. В этом он чувствует лишь поступь новой жизни и новую надежду на лучшее: «Все сметено, но я не волнуюсь и не печалюсь. Все это так надо. В громадной лаборатории жизни вечно творится, вечно кипит, распадается и созидается; там совершается мировая реакция. Я смотрю и не печалюсь: пусть...» [11; I, с. 225 – 226]. И вот такое нравственное принятие уничтожения даже того старого, с которым человек связан с детства, при всей очевидности присутствия в этом

извечного хода вещей, говорит о том, что приобретенный опыт от общения с Леной не прошел даром. Маленький мальчик всегда с интересом наблюдал за умным и загадочным ученым старшим двоюродным братом, сначала уважал его за смелость, с которой он обращался с отцом, не страшась высказывать свои мысли, потом за ученость, ум и мужество, в чем он видел проявления нового человека, а потом и за его таинственную, но определенно благородную деятельность, потому что красивый и умный Ленья может посвятить себя только хорошим делам. Когда ребенок узнал, что Ленья был замешан в заговоре и что он был «их», «нигилист», в нем еще больше укрепилось желание быть таким, как он, и боязнь нигилистов, цареубийц, прошла: «Так вот оно что!.. Так *он* был.... <...> Нет, теперь я хочу знать ее, эту силу, «врагов», их... Он был их!.. И я не знал!.. Совсем рядом, близкий, родной, Ленья... Я мог бы узнать от него все, обо всем... А теперь я не могу узнать и не знаю, от кого бы я мог узнать все. Зачем *они* и кто? Мне необходимо узнать все это, так как с *ними* был Ленья. Им я гордился, смотрел на него, как на самого умного и лучшего на нашем дворе, им хотел быть, когда подросту.

Ему уступал даже дядя Захар. Почему же *они* страшны, если Ленья, такой замечательный человек, был среди *них*?

И я почуял, что что-то не так, что у нас совсем ничего не знают о *них* и напрасно боятся» [11; I, с. 204]. Понятной становится та легкость, с которой уже подросший молодой человек смотрит на разрушение старой жизни, ведь в новой будет обязательно лучшее, такое, как хотел Ленья. И образ Лени сливается в сознании взрослеющего мальчика с образами Стеньки Разина, Пугачева: «И я думал о них и любил их. Откуда они такие?... Я не знал» [11; I, с. 209]. Юноша уже почувствовал свою дорогу, поэтому на просьбу большого дяди Захара продолжить их семейное дело, он отвечает, как когда-то Ленья: «Нет, дядя... Я иду по другой дороге... учусь я» [11; I, с. 221]. Несмотря на то, что на образе Лени лежит лишь малая тень от титанической фигуры Базарова, все же Шмелев верно, что подчеркивается восприятием и оценкой событий через душу ребенка, показал живучесть и преемственность революционных идей тургеневского нигилиста, воплощенных уже в реальных делах и активных людях. Так, Базаровы оказались нужны России, их замыслы нашли свое продолжение и реализацию, а желание изменить мир стало чертой национального характера, неуправляемого и склонного к разрушительному бунту, если не найдется той руки и силы, которая будет способна укротить его.

Незадолго до смерти И. Шмелев напишет замечательный лирический рассказ «Записки не писателя» (1949). Как отмечает Н. Солнцева, в нем писатель «захотел показать патриархальную, целостную, русскую семью, через описание которой выявлялась нецельность русской жизни» [8; с. 482]. Повествование ведется от первого лица. Рассказчик, он же называет себя «не писателем», Сергей Печкин – учитель истории и русского языка в Т-ой гимназии, старый и много переживший человек. В повествовании переплетаются два голоса, маленького мальчика, наблюдающего за

происходящим в семье, и взрослого человека, корригирующего свои детские впечатления и расставляющего нужные акценты уже с высоты полученного жизненного опыта. Особенного единства эти голоса достигают в нравственной оценке событий, когда речь идет о сохранении традиционных семейных нравственных ценностей. Печкин пишет воспоминания-поучения о «живой истории» России, увиденной им сквозь призму своей патриархальной купеческой семьи тверских пряничных фабрикантов. Всю жизнь они честно трудились и никогда не обижали трудовой народ, напротив, ели, пили, работали и праздники гуляли с ним вместе: «без всякой чувствительности впишу: такое общение с народом было поистине братским, православным» [11; XI, с. 275]. Но и в их семье оказался человек, который внес в отчий дом разобщение и боль. У отца было два сына, один на турецкой войне Георгиевские кресты получал за защиту Отечества, а другой имел свои представления о служении Родине. Этот другой – дядя Вася, старший сын любимого деда рассказчика, большой умница, «химик», закончивший гимназию с золотой медалью и поступивший в университет. Бросив учение, он пошел странствовать по России, но потом был сослан в Сибирь на поселение, где сильно заболел. Дед много хлопотал о нем в Петербурге, и его отдали на поруки. Дядя Вася поселился в мезонине родительского дома, но с тех пор дед запретил говорить о нем. Ведь он выломался из семьи, из общего уклада их патриархальной жизни, где все работали и соблюдали православные праздники и чтили православных святых, ходили в церковь и молились богу. В комнате у дяди Васи не было ни одного образа, в церковь он не ходил, молитв не совершал. Но полки его завалены книгами и всякими аппаратами, стены завешены картами разных земель и много у него атласов «со зверьми, цветами, птицами» [11; XI, с. 278]. Как переключка с опытами Базарова, звучит в тексте описание огромной лягушки, распластанной, «будто человек», на картоне, висевшем у дяди Васи на стене. Он делал на лягушках опыты, описанные в книге Сеченова. Но эта лягушка, со времен тургеневского романа ставшая традиционным маркером не только естествоиспытателя, но и связанной с занятиями естественными науками революционности духа, в шмелевском тексте имеет еще и символическое значение. Она говорит о русском человеке, распятом, как и лягушка, путем насильственных революционных опытов в России, самый впечатляющий из которых, оставшийся в памяти уже взрослого человека, – это события 1 марта 1881 года. «Распад» и «Записки не писателя» объединены этим событием, потрясшим устои русской жизни. И настолько огромное значение для нравственного сознания Шмелева имел этот пережитый опыт, что он обратится к нему еще в одном своем рассказе «Страх» (1937).

Отношение к убийству царя Александра II выявляют истинные ценности людей, разделяя их на два лагеря: убийц, посягнувших на святое для русского простого человека, и заступников отечества. Убийство произошло в тот же день, когда в церквях шла «литургия с анафемой». Тогда анафеме предавали «всех богоотступников и преступников православной державы», «Пугачева

Емельку», «Стеньку Разина», «Гришку Отрепьева» (те же герои русской истории вызывали восторг у рассказчика из «Распада»), которые шли против православного мира, за сохранение которого молился православный народ в церкви. Впоследствии уже постаревший Печкин видит в этом символический знак того, что «зло как бы воплотилось и, приняв вызов Церкви, ответило цареубийством» [11; XI, с. 282]. Православный народ решительно стал на защиту царя и отечества, выступил против «нигилистов», в которых это зло воплотилось. А среди «нигилистов» оказался старший сын деда Ивана дядя Вася, которого народ грозил убить. Так в смутное время проявляется две души в народе: одна покорная, готовая слушать мудрое слово, хранящая в себе «инстинкт порядка», а другая – буйная, крикливая, вооруженная дубиной, которую готова направить на любого: «Всех убивать, кто не признает Бога и Царя» [11; XI, с. 283]. Эта та часть, которой так легко воспользоваться в своих целях, потому что она не разбирает и не думает. Лишенная узды и не находящая управы, она способна вершить самосуд и сеять безудержный хаос разрушения: «Где теперь закон, ежели Царя убили, анафемы-неверы?! Теперь сами будем устанавливать закон!.. <...> Нет теперь закона, коли самого Царя убили!.. Мы сами теперь – закон! Мы знаем, где нигилисты!..» [11; XI, с. 284]. Старый дед-законник Иван сдерживает негодование и смутное буйство народа, собственным примером показывая, что надо делать: он присягнул всем миром своим новому царю, повесил его портрет в зале и со своими рабочими и младшим сыном ходил в «народную охрану» наблюдать за порядком на улицах. Так «дед воспитывал народ», так созидалась жизнь и русская история, и «такие же деды творили ее тысячелетие. И сложили великую Россию, ведя за собой народ» [11; XI, с. 287]. Шмелев показывает, какими людьми строилась страна. Дед Иван, купец-пряничник, любил читать исторические книги, знал сочинения Карамзина, Татищева, Соловьева, знаком был и с Ключевским, с которым даже иногда беседовал. Нравились ему и толстовские «Война и мир» и «Холстомер», а вот тургеневского «Чертопханова» и слушать не хотел, чувствуя в нем «темное», «по-хоть» [11; XI, с. 271]. Любил дед Иван читать про Святителей русских и сердечно почитал их, особенно Серафима Саровского. Жизнь свою он выстраивал в православных традициях, в строгих и радостных правилах православного человека, завещая детям и внукам своим «за край Ризы Господней» держаться в «черные дни уныния» и всеобщей гибели [11; XI, с. 259].

Своим примером и своим терпением и готовностью простить дед Иван все-таки смог донести свою правду и до сына-«нигилиста», живущего в мезонине. Дядя Вася тоже присягнул на верность новому царю, и спустя четыре года после этого в день Светлого Воскресения Христова он впервые спустился со своего мезонина в чистой и красивой одежде и присоединился к семье, тихим голосом попросив себе «пасхалик», маленькое граненое яичко «из самоцветных уральских камушков» для разговин. Тогда впервые за долгие годы отчуждения дядя Вася похристосовался с отцом, и тогда снова ожила семья, и

на глазах девятилетнего мальчика «сотворилось ослепительное чудо» [11; XI, с. 296]. Воспитанный на таких семейных традициях маленький человек удержится от соблазнов быть похожим на тех, кто несет в себе зло, искажая суть народной русской жизни. Поэтому с трепетом в сердце семидесятилетний старик заканчивает свои «записки не писателя» словами веры в то, что семейное чудо повторится в судьбе его страны, которая освободиться от власти зла и примет в себя свет православной веры и вековых традиций русского народа: чудо «непременно повторится, кажется мне порой, – увижу ли я его? – и наше семейное событие, претворится в событие историческое» [11; XI, с. 296]. В рассказе постоянно ощущается присутствие оценивающего и сравнивающего исторические события века девятнадцатого и двадцатого голоса рассказчика. Если бы Царь был с народом, обратился бы к нему с призывом вместе строить и создавать Россию, как это делал величественный и благостный дед Иван, то, возможно, история сложилась бы иначе, но если бы тогда, в 80-е годы можно было предвидеть, «что случится через 37 лет!» [11; XI, с. 288]. На примере этих двух рассказов становится особенно заметной эволюция мировоззрения Шмелева, который от легкомысленного восхищения героическими подвигами революционной молодежи пришел к пониманию истинных основ народной жизни, заключающихся в преданности традициям православия, любви и братстве народа во Христе. В этих произведениях писатель показывает также как бы две стороны национальной русской души: в образах Хмуровых ее буйный, взрывной, склонный к бесчинствам и непокорности нрав, а в образах Печкиных проявляются ее христианские качества – терпение, глубокая вера, любовь, доброта, стремление к жизни правильной и благостной.

Таким образом, предпринятый анализ произведений И.С. Шмелева показал, насколько живой для русской действительности и русской литературы оказалась поднятая И.С. Тургеневым еще в середине XIX века во всей ее глубине и сложности проблема нигилизма и революционного духа. Писатель вступает в непосредственный диалог с классиком, используя и расширяя увиденные Тургеневым аспекты нигилистической философии. Опираясь и отталкиваясь от уже существующей традиции, Шмелев, учитывая общественно-исторический и собственный жизненный опыт, показывает возможные пути выхода из морального и психологического тупика революционного типа сознания. Исповедуя идеи любви и православной веры, писатель остается на позициях гуманистической культуры, не приемлющей радикализма и отстаивающей вечные ценности человеческой жизни. И в этом он абсолютно продолжает традиции русской классической литературы XIX века.

Литература

1. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа 1856 – 1862: соотношение метафизического и конкретно-исторического / С.М. Аюпов. – Казань : изд-во КазГУ, 2001. – 291 с.

2. Земляная О. И.С. Тургенев об особенностях национальной охоты / О. Земляная // Звезда. – 1998. – № 10. – С. 150 – 155.
3. Иванов В. Споряды // Иванов В. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева / В. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
4. И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. – М. – Л. : Academia, 1930. – 338 с.
5. Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии / В. Кантор // Вопросы литературы. – Январь – февраль 1996. – С. 121 – 158.
6. Назарова Л.Н. Тургенев и русская литература конца XIX – начала XX века / Л.Н. Назарова. – Л. : Наука, ЛО, 1979. – 200 с.
7. Плимак Е.Г. «Потайные» сюжеты И.С. Тургенева. Тень «Гермидора» в повести «Отцы и дети» / Е.Г. Плимак // Тургеневские чтения: Сб. статей / Сост. Е.Г. Петраш. – М. : Рус. Путь, 2006. – 396 с., ил.
8. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание / Н.М. Солнцева. – М. : Эллис Лак, 2007. – 512 с.
9. Страхов Н.Н. Литературная критика: Сб. статей / Н.Н. Страхов. – СПб. : изд-во РХГИ, 2000. – 464 с.
10. Тургенев И.С. Собрание сочинений в десяти томах / Иван Тургенев. – М. : Госуд. изд-во художественной литературы, 1962. Тексты цитируются по этому изданию: римская цифра указывает том, арабская – страницу.
11. Шмелев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. / Иван Шмелев. – М. : Сибирская Благовонница, 2008. Тексты цитируются по этому изданию: римская цифра указывает том, арабская – страницу.

Аннотация

Е.С. Анненкова. Осмысление психологии революционности в прозе И.С. Тургенева и И.С. Шмелева: традиция, диалог, полемика

В статье уточняется понятие «нигилизм», введенное в русскую литературу И.С. Тургеневым, а также прослеживается тургеневская традиция изображения нигилистической психологии в творчестве И.С. Шмелева на примере анализа его рассказов «Распад» и «Записки не писателя».

Ключевые слова: нигилизм, психология революционности.

Анотація

О.С. Анненкова. Осмислення психології революційності в прозі І.С. Тургенева та І.С. Шмелєва: традиція, діалог, полеміка

У статті уточнюється поняття «нігілізм», введено в російську літературу І.С. Тургенєвим, а також простежується тургенєвська традиція зображення нігілістичної психології в творчості І.С. Шмелєва на прикладі аналізу його оповідань «Розпад» і «Записки не письменника».

Ключові слова: нігілізм, психологія революційності.

Summary

E.S. Annenkova. Comprehension of revolutionary psychology in I.S. Turgenev's and I.S. Shmelev's prose: tradition, dialog, polemic

The article specifies "nihilism" conception, brought into the Russian literature by I.S. Turgenev, also traces Turgenev's tradition of describing nihilistic psychology in I.S. Shmelev's novels "Disintegration" and "Not writer's notes".

Key words: nihilism, revolutionary psychology.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук В.Я. Звизняцковским